

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2023.11.19.008

Механизм формирования симулятивных образов памяти в современном историческом сознании

Пичугин Виталий Григорьевич

Кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: left@lsn.ru

Аннотация

В историческом сознании современного российского общества отмечается наличие значительного количества искусственно созданных симулятивных образов памяти. Через механизмы социально-психологического воздействия они оказывают непосредственное или косвенное влияние на все сферы общественного бытия, что делает эту проблему крайне актуальной для тщательного изучения. В статье представлены исследование механизма формирования образов памяти в массовом сознании, их классификация, влияние на историческое сознание. Создание симулятивных образов памяти в историческом сознании представляет собой технологию, направленную на полное или частичное замещение ретроспективной реальности симулятивными конструкциями. Это реализуется посредством современных информационно-коммуникационных технологий, которые применяются в совокупности с целью повышения эффективности воздействия на социум.

Для цитирования в научных исследованиях

Пичугин В.Г. Механизм формирования симулятивных образов памяти в современном историческом сознании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 3А-4А. С. 69-76. DOI: 10.34670/AR.2023.11.19.008

Ключевые слова

Историческая память, историческое сознание, память, образ, история, сознание.

Введение

Память играет огромную роль в жизни как конкретного человека, так и общества в целом. В процессе познания мира через чувственное восприятие и рациональное мышление человек создаёт свой уникальный опыт, который служит фундаментом для принятия различных решений в повседневной жизни, а также для планирования и воплощения будущего. Личность человека во многом формируется на основе субъективного воспоминания себя на определённом временном промежутке развития в социальном окружении. Из памяти о прошлом человек черпает ресурсы для деятельности в настоящем, оценивая свой опыт, отмечая успехи, анализируя удачу. Личность распадается, теряет своё «я», когда лишается памяти. Такие нарушения приводят к фрагментации сознания, повышенной внушаемости и управляемости, часто вопреки интересам самого человека. Поэтому пожилые люди, страдающие заболеваниями, связанными с нарушениями памяти, легко становятся жертвами мошенников.

Социум, поражённый искажением, обесцениванием, деградацией исторической памяти, приобретает деформированное историческое сознание, которое легко используется для манипуляций, формирования самоагрессии, запуска механизма самоуничтожения. Если образ прошлого в массовом сознании окрашен в чёрные тона, обесценен презрением, глупостью, злостью, то нет фундамента для построения будущего. Общество становится более подверженным манипулятивному влиянию, когда историческая память размыта, не содержит ценностных и смыслообразующих образов и нарративов, позволяющих представлять прошлое в неразрывной связи с настоящим. Поэтому легко создавать выдуманную социальную реальность в настоящем, которая, по мнению Ж. Бодрийяра, вся является симулятивной: в ней образ реальности имеет не меньшее значение, чем сама реальность. Образы продуцируются индивидуально и на уровне «разделяемой реальности» сливаются в устойчивые образования, называемые «общественным сознанием». В рамках концепта «гиперреальности» [Бодрийяр, 2013] Ж. Бодрийяр представил конструкт действительности, где виртуальность в представлении потребителя гораздо привлекательнее, чем унылые будни настоящих дней и серые тени прошлого. Такая гиперреальность формируется из симулякров, то есть символических копий вещей, которые быстро утрачивают схожесть с прототипами из-за влияния средств массовой коммуникации. Это приводит в итоге к полной замене реальности копией, уже не имеющей оригинала. Отсюда в современном обществе проистекает стремление «побега» от реальности к внешне привлекательным гедонистическим и духовно бедным «виртуальным», «мнимым», «индивидуально моделируемым» мирам, возникшим из симулякров. Образ в памяти — уже не форма отражения и понимания действительности. И даже не всегда результат реконструкции объекта в сознании человека. Теперь это репрезентация «символических копий вещей», созданная «здесь и сейчас» без какой-либо реальной связи с действительным прошлым. Отвергая такой постмодерн, многие историки считают, что «...предметом исследования сегодня зачастую становится не само историческое событие, а память о нём, живущая в сознании общества в последующие эпохи» [Носов, 1997, с.7]. В этой памяти существуют не только образы прошлого, но и генерализированный коллективный опыт, заключающий в себе знания о мире, отражённые в предметах материальной культуры, социальных нормах, традиции и т. п. Внедрение симулятивных образов памяти в историческое сознание — процесс непростой и небыстрый. Ведь он во многом основан на формировании (конструировании) обобщённых образов, отражающих генерализированный коллективный опыт, но не как результат практической и познавательной деятельности прошлых поколений, а как чувственно-образное

восприятие, по итогу которого создаётся некоторая хронологическая последовательность наглядных картинок, часто весьма условная. Широкой аудитории не предоставляется анализ фактов, событий, явлений, основанный на строго научном подходе. Дается только чувственное восприятие через визуально-кинестетическую репрезентацию прошлого.

Классификация образов

Образная история представляет собой передачу знаний о прошлом в виде простых картинок, которые дают общее понимание значимых аспектов минувшего. Для создания хронологической линии используются серии относительно связанных картинок. Это явление представлено буквальным образом в исторических комиксах, визуальных экспозициях музеев, на выставках. Такое представление прошлого обосновано для школьников и других людей, не склонных и не стремящихся к аналитическому, глубокому восприятию информации. Важно отметить, что во многих странах события, в том числе исторические, традиционно представляются для массовой аудитории в виде комиксов. В современном обществе это уже стало значимым культурным явлением, упрощающим визуальное восприятие окружающей действительности, а также событий прошлого.

Запечатление события в прошлом, которое «выхвачено» из потока событий и связано с определённым историческим персонажем, создаёт *исторический образ*. В массовом восприятии этому образу придаются характеристики из настоящего времени с целью демонстрации его величия, или, напротив, демонизации. Исторический образ должен появляться в сознании при упоминании определённого факта из прошлого. При этом отношение к нему выражается эмоционально-чувственно, например: «Это великий полководец», — или: «Он кровавый тиран». Такие эмоциональные оценки могут различаться до крайней противоположности.

Отдельные примеры из прошлого, назидательные и поучительные для настоящего времени, представляют собой *образы истории*. Историческая публицистика в изобилии предоставляет подобные образы для массовой культуры. Часто, это исторический ревизионизм, изложенный в якобы научных фильмах, документалистике, литературных трудах. В таких произведениях есть некоторая претензия на научность. Но по сути это лишь способ социально-психологического влияния, добавляющий значимости и весомости повествованию о прошлом. По форме — это жанр массовой культуры (история для широких масс или народа), который кроме удовлетворения потребности в развлечении, выполняет функцию формирования определённого отношения к прошлому.

Место и роль выдающихся личностей в исторических событиях раскрывают *образы в истории*. Такое представление, как правило, больше делает акцент на личностных качествах и уникальных особенностях человека, которые позволили ему повлиять на ход событий в определённый момент прошлого, стать движущей силой общественного развития. Однако при всей абсолютизации роли личности создаваемый образ оказывается как будто оторванным от социальной реальности и объективных обстоятельств, которые позволили конкретному человеку проявить свои качества и оставить след в истории.

Образы псевдоистории представляют собой симулятивные образования, сконструированные путём полной замены реально происходивших событий, искусственно созданные и не имеющие никакой связи с действительностью. Образы псевдоистории отличаются эмоциональной окрашенностью, яркостью, простотой и привлекательностью для широкой аудитории. Именно поэтому они имеют значимое социально-психологическое влияние

на историческое сознание общества, легко принимаются и встраиваются в систему верований конкретного человека о прошлом. По Ж. Бодрийяру, таким образом происходит освобождение общества от старых ценностей и идеалов, чтобы принять новые права и свободы. Это своего рода «симуляция освобождения». «Всё, что нам остается, — тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [Бодрийяр, 2000, с. 8-22]. Бегство от реальности возможно в новую симулятивную реальность, которая включает в себя образы псевдоистории как необходимый элемент и фундамент симулятивной реальности настоящего.

Механизм формирования симулятивных образов

Для массового сознания характерна неоднородность, противоречивость, некоторая аморфность. Это обусловлено его знаково-символической природой со всеми присущими ему социально-психологическими феноменами восприятия. В массовом сознании теория репрезентации применима весьма ограниченно — с её принципом соответствия между сознанием и реальностью, копией и оригиналом, понятием и вещью, между знаком и референтом [Курмелева, Мещерякова, 2006, с. 32]. Сама природа массового сознания содержит органично встроенный естественно-симулятивный механизм виртуализации, отвергающий всякую возможность точной репрезентации реальности. Этот мир для нас становится симулякративным, симулятивным или просто воображаемым. Пространство воображаемого — это способ конституирования, который лежит в основе того, что принято называть современной социальной действительностью. В равной степени это касается и процессов искажения действительности [Савельева, 2010, с. 378]. Эмоциональное заражение и присоединение личности к общему доминирующему в социуме конструкту происходит посредством неосознаваемых процессов в ходе активного влияния различных групп интересов через средства массовой коммуникации, часто — путём введения в заблуждение, откровенного обмана, предоставления «выбора без выбора», создания ярких и привлекательных символов (знаков), обозначающих стандарты дозволенного, правильного, поощряемого, необходимого. Символически-иллюзорные образования в массовом сознании порождают символы и знаки, создающие новые значения, никак не связанные с действительностью, отрицающие (по Ж. Бодрийяру) «...и оригинал, и копию, и модель и репродукцию» [Бодрийяр, 1995]. То есть знаки утрачивают свою функцию отображения, а символы — представления. Это открывает огромное поле возможностей для манипуляции массовым сознанием, в том числе — для влияния на формирование исторического сознания. Бодрийяр полагает, что симуляция мира постмодерна завершает развитие стадии «знака» через последовательные этапы. Первый — отражение некоей глубинной реальности; второй — маскировка и извращение этой реальности; третий — маскировка отсутствия всякой глубинной реальности; четвертый — утрата всякой связи с реальностью, переход из строя видимости в строй симуляции, т. е. обращение знака в собственный симулякр [Гараджа, 1991, с. 45]. Насколько историческое сознание в постмодернистском обществе может быть связано с реальными фактами прошлого, если в настоящем действительность растворяется через ничего не отражающие символы и знаки, игры, тексты, цитаты, условности? «Постмодернистская культура довольствуется миром симулякров, следов, означающих и принимает их такими, какие они есть, не пытаясь добраться до

означаемых. Всё воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения» [Эпштейн, 1999, с. 220]. Реалистичность исторического сознания воспринимается как более важная характеристика, чем отраженная в нём реальность. Поэтому образы из прошлого так легко изменяются, для них придумываются новые значения, необходимые для реальности людей, живущих в настоящем.

Например, общепризнанный, узнаваемый практически во всех странах мира образ правосудия и справедливости в массовом сознании — древнегреческая богиня Фемида. Сначала в силу сложившейся традиции ее изображали без повязки на глазах и с рогом изобилия в руках. Потом появились символы, которые должны были указывать на справедливость и правосудие. Весы — символ меры и справедливости — изображались то в правой, то в левой руке. Левая характеризовала восприимчивость и свидетельствовала, что справедливость «ближе к сердцу». Сейчас чаще изображают Фемиду, держащую весы в правой руке. Это символизирует рациональность, рассудочность в принятии решений. Регулярным изменениям подвергался меч. Сначала он был поднят вверх как символ возмездия и высшей справедливости. Потом опустился вниз, поскольку справедливость (весы) важнее наказания (меча). Повязка на глазах — символ беспристрастности: правосудие должно быть «слепое», воздавать всем и каждому по закону и справедливости (лат. *Justitia omnibus*). Новый образ Фемиды представлен в виде статуи у здания Верховного суда РФ. Фемида лишилась маски на глазах, а вместо меча появился щит. Конструирование значений изменений образа предполагает широкий набор суждений в зависимости от субъективного восприятия индивида: от утраты правосудием беспристрастности и способности карать виновных до «всевидящего ока» правосудия и защиты граждан от произвола [Пичугин, 2022, с. 29-36]. Процесс конструирования в историческом сознании происходит непрерывно, существенно ускоряясь и совершенствуясь с появлением средств создания виртуальной реальности, которая зачастую уже воспринимается как некоторая объективность. Мало того, виртуальная реальность, в отличие от всех других психических производных вроде воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает ее не как порождение своего собственного ума, а как объективную реальность [Носов, 1997, с. 14]. В таком представлении симулятивные образы в исторической памяти становятся в субъективном восприятии «объективно существующими» и «отражающими реальность». Такие образы тем эффективнее встраиваются в массовое сознание, чем они проще, легко воспроизводимы, обращены к эмоциональному восприятию, хорошо сочетаются друг с другом, образуя связи между собой. Механизм создания симулятивных образов памяти в историческом сознании представляет собой определённую технологию, состоящую из инструментов и методов социально-психологического влияния, направленную на массовую аудиторию.

По мнению ряда исследователей (Елисеева Т. В., Кафтан В. В., Шалюгина Т. А. и др.), исторические образы формируются, изменяются, переиначиваются посредством:

- вербализации/девербализации — процесса озвучивания, вербального выражения смысла, словотворчества с помощью знаков и символов описания мира либо искажения смысла через вербальное описание действительности;

- текстуализации/детекстуализации, то есть реализации связанной и последовательной системы знаков с определённым значением или разрушения таковой связанности и последовательности, её упрощения от многозначности до примитивности значений;

- визуализации/девизуализации — мысленного представления какого-либо явления, идеи, события, процесса в виде изображения (картинки), существующей в реальности, а также

созданной исключительно в сознании, либо изменения, развоплощения представления, искажения в сознании картинки, в которой заключена мысль или идея, с целью разрушения или изменения её смысла, под предлогом «нового взгляда», «другого подхода» и т. п.;

- символизации/десимволизации — обозначения, воспроизведения какого-либо образа или значения посредством определённых символов либо придания символам новых значений, нахождения знаков, которые не отражают суть вещи, но являются неоднозначной заменой, таким образом разрывается связь исторического прошлого с его общепринятым значением;

- виртуализации/девиртуализации — формирования субъективной виртуальной реальности, в которой некоторым образом отражается действительность, но представленная созданным образом, или происходит значительное искажение образа исторической реальности, в которой кардинальным образом меняются трактовки значений через утверждение множественности истин.

В виртуализации/девиртуализации могут присутствовать геймификация (игра развлекает, привлекает, добавляет в виртуальность риск, азарт, случай, внезапный успех, ощущение всемогущества и неизбежной победы), а также гламуризация (беспредметные образы роскоши, внешней привлекательности, блеска, которые используются для ухода от реальности, маскировки подлинного, подмены настоящего).

Чтобы сформировать симулятивные образы памяти, вышеуказанные технологии могут применяться в совокупности для повышения эффективности. Они органично дополняют друг друга, а чаще одна включает в себя другую.

Стоит дополнить: универсальные механизмы переформулирования, переименования, придания историческим событиям другого смысла для подмены общепринятого значения — это обобщение, опущение (упущение), искажение информации. Эти механизмы можно отнести к вербализации/девербализации или текстуализации/детекстуализации. Вот, например, обобщение: «В СССР не было ничего хорошего, одни репрессии, отсутствие свободы слова, социальное неравенство». Упущение информации: «Американская демократия доказала свою устойчивость, поэтому она, безусловно, лучше», — по сравнению с какой демократией, в чём устойчивость? Это сравнение с опущением информации о том, с чем сравнивают США, с какой страной, с какими историческими обстоятельствами и культурным развитием? Искажение представляет собой процесс, с помощью которого смещается восприятие чувственных данных, непрерывный процесс может превратиться в событие, теряется причинно-следственная связь: «Действия России заставляют расширять блок НАТО в Европе».

Заключение

В современном обществе, благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий формирование симулятивных образов памяти включает не только создание таковых образов, но и их постоянное изменение, интерпретирование, переделывание, а также трансляцию этих изменений через средства массовой информации. Хронологическая отдалённость событий, различные описания и интерпретации позволяют создавать исторические образы, не отражающие историческую действительность, посредством технологий, которые меняют восприятие ретроспективной реальности. Симулятивные образы памяти создают в массовом сознании конструкции виртуального характера без всякой связи с действительностью — или с минимальной связью. Однако это яркие эмоционально окрашенные образы. А потому — привлекательные, легко транслируемые и принимаемые без всякой

критической оценки. Механизмы создания таких образов — технологии, основанные на умышленной «потере» информации об исторических событиях путём обобщения, упущения, искажения, переозначивания символов и знаков, переиначивания смысла текстов, разрушения сакральных образов и духовно-нравственных идеалов.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Рудомино, 1995. — 245 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — 257 с.
4. Гараджа А. В. Бодрийяр // Современная западная философия. М., 1991. С. 45.
5. Курмелева Е. М., Мещерякова Л. Ю. Симулякр и общество в современной социальной теории / Е. М. Курмелева, Л. Ю. Мещерякова // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Социология. — 2006. — № 2. — С. 32.
6. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. — Самара, 2011. — 447 с.
7. Носов Н. А. Виртуальный человек. — М.: Магистр, 1997. — 192 с.
8. Пичугин В. Г. Справедливость как социальный конструкт в правосудии / В. Г. Пичугин // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Том 12. — № 1А. — С. 29–36.
9. Савельева Е. А. Симулякр как новое социокультурное понятие в теории Жана Бодрийяра / Е. А. Савельева // Материалы IV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Научный потенциал студенчества в XXI веке». — Том второй. Общественные науки. — Ставрополь, 2010. — С. 378–379.
10. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодернизма / М. Эпштейн // Звезда. — 1999. — № 11. — С. 220.

The mechanism of forming simulative images of memory in modern historical consciousness

Vitalii G. Pichugin

PhD in Psychology,
Associate Professor,

Department of Psychology and Human Capital Development,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: left@lsn.ru

Abstract

The historical consciousness of modern Russian society contains a significant number of artificially created simulative images of memory. They influence all spheres of social life through the mechanisms of sociopsychological influence either directly or indirectly. It makes this problem extremely relevant for careful study. In the article, a study of the mechanism of formation of memory images in the mass consciousness is presented, as well as the classification of these images and their impact on historical consciousness. Creating simulative memory images in historical consciousness is a technology aimed at full or partial replacement of retrospective reality with simulative constructions. This is implemented through modern information and communication technologies, which are used in combination to increase the effectiveness of the impact on society.

For citation

Pichugin V.G. (2023) Mekhanizm formirovaniya simulyativnykh obrazov pamyati v sovremennom istoricheskom soznanii [The mechanism of forming simulative images of memory in modern historical consciousness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (3A-4A), pp. 69-76. DOI: 10.34670/AR.2023.11.19.008

Keywords

Historical memory, historical consciousness, memory, image, history, consciousness.

References:

1. Baudrillard, J. *Simulacra and Simulation*. — Tula: Tul'skij poligrafist, 2013. — 204 p.
 2. Baudrillard, J. *The System of Objects*. — M.: Rudomino, 1995. — 245 p.
 3. Baudrillard, J. *The Transparency of Evil*. — M.: Dobrosvet, 2000. — 257 p.
 4. Garadzha A. V. Bodrijar [Baudrillard] *Sovremennaja zapadnaja filosofija* [Modern Western Philosophy] M., 1991. P. 45.
 5. Kurmeleva E. M., Meshherjakova L. Ju. Simuljagr i obshhestvo v sovremennoj social'noj teorii [Simulacrum and society in modern social theory] E. M. Kurmeleva, L. Ju. Meshherjakova. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia] — Serija: Sociologija. — 2006. — No. 2. — P. 32.
 6. Leont'eva O. B. *Istoricheskaja pamjat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX — nachala XX v.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th — early 20th centuries] Samara, 2011. — 447 p.
 7. Nosov N. A. *Virtual'nyj chelovek* [Virtual Human] — M.: Magistr, 1997. — 192 p.
 8. Pichugin V. G. *Spravedlivost' kak social'nyj konstrukt v pravosudii* [Fairness as a social construct in justice] V. G. Pichugin. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and international law] — 2022. — Vol. 12. — No. 1A. — P. 29–36.
 9. Savel'eva E. A. *Simuljagr kak novoe sociokul'turnoe ponjatie v teorii Zhana Bodrijjara* [Simulacrum as a new sociocultural concept in the theory of Jean Baudrillard] E. A. Savel'eva. *Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh "Nauchnyj potencial studenchestva v XXI veke"* [Proceedings of the IV International scientific conference of students, postgraduates, and young scientists "Scientific potential of students in the XXI century"] — Vol. 2. *Obshhestvennye nauki*. — Stavropol', 2010. — P. 378–379.
 10. Jepshtejn M. *Informacionnyj vzryv i travma postmodernizma* [Information explosion and the trauma of postmodernism] M. Jepshtejn. *Zvezda*. — 1999. — No. 11. — P. 220.
-